

DOI 10.31250/2618-8600-2023-3(21)-203-223

УДК 316.7

Ю. В. Попков

Институт философии и права Сибирского отделения РАН
Новосибирск, Российская Федерация
ORCID: 0000-0002-1036-9253
E-mail: yuripopkov54@mail.ru

Этнокультурный неотрадиционализм: рефлексивно-интеграционная теоретическая модель

АННОТАЦИЯ. В отличие от большинства публикаций по проблемам, так или иначе связанным с этнокультурным неотрадиционализмом, основное внимание в этой статье уделяется не описательной стороне дела, а теоретическим и методологическим вопросам его исследования в единстве гносеологического и онтологического аспектов анализа. При опоре на системно-деятельностный и социокультурный подходы обосновывается рефлексивно-интеграционная концепция (теоретическая модель) этнокультурного неотрадиционализма. На фоне преобладающей в литературе конструктивистской методологической позиции в исследовании данного феномена автор отстаивает понимание его как духовно-практического явления — реального качественного состояния традиционной этнической культуры в современных условиях, продукта взаимодействия и взаимопроникновения (рефлексии) внутренних и внешних условий развития этнокультур в синхронно-диахронном (пространственно-временном) измерении. Их носителями рассматриваются этнические сообщества как единые, но одновременно гетерогенные образования со своеобразной сетевой структурой организации. Такой подход снимает главные ограничения конструктивистской интерпретации этнокультурного неотрадиционализма, проявляющиеся в сведении проблемного поля соответствующих исследований преимущественно к вопросам идентичности, особенно когда она трактуется как исключительно субъективное явление. Обосновывается тезис, что адекватное понимание происходящих в современной этнической культуре процессов возможно лишь путем интеграции предложенной теоретической модели с другими эвристически значимыми инструментами познания — аутсайд- и инсайд-ориентированными подходами, а также методологическими установками, предложенными в рамках антропологии/этнографии движения, взаимодействия локальных и магистральных культур, «новой этнографии», включая киберэтнографию и т. п. (имеются в виду прежде всего наработки коллективов под руководством А. В. Головнёва, Ч. К. Ламажаа).

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА:
традиционная культура, этнокультурный
неотрадиционализм, этнокультурное
разнообразие, рефлексия культур,
системно-деятельностный подход,
социокультурный подход

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ: Попков Ю. В.
Этнокультурный неотрадиционализм:
рефлексивно-интеграционная теоретическая
модель. *Этнография*. 2023. 3 (21): 203–223.
doi 10.31250/2618-8600-2023-3(21)-203-223

Yu. Popkov

Institute of Philosophy and Law of the Siberian Branch
of the Russian Academy of Sciences

Novosibirsk, Russian Federation

ORCID: 0000-0002-1036-9253

E-mail: yuripopkov54@mail.ru

Ethnocultural Neotraditionalism: Reflexive Integration Theoretical Model

ABSTRACT. Unlike most publications on problems related to ethnocultural neotraditionalism, this article focuses not on the descriptive aspects of its analysis but on the theoretical and methodological issues, combining epistemological and ontological approaches. Based on the systemic, activity, and socio-cultural approaches, the author substantiates the reflexive-integrative concept (theoretical model) of ethnocultural neotraditionalism. Against the backdrop of constructivist methodology prevailing in literature, the author defends the understanding of ethnocultural neotraditionalism as a spiritual and practical phenomenon – the actual qualitative state of traditional ethnic culture in modern conditions, the product of interaction and interpenetration (reflection) of the internal and external conditions for the development of ethnic cultures in a synchronous-diachronous (spatio-temporal) dimension. The article views ethnic communities as carriers of ethnic cultures: distinct but heterogeneous formations with a peculiar network organizational structure. The author substantiates the thesis that an adequate understanding of the processes taking place in modern ethnic culture is possible only by integrating the proposed theoretical model with other heuristically significant tools of cognition. The latter include outside and inside-oriented approaches, methodological guidelines proposed in the anthropology/ethnography of movement, the interaction of local and mainstream cultures, “new ethnography”, cyberethnography, etc. (A. V. Golovnev and others).

KEYWORDS: traditional culture,
ethnocultural neotraditionalism,
ethnocultural diversity, reflection of
cultures, system-activity approach,
socio-cultural approach

FOR CITATION: Popkov Yu.
Ethnocultural Neotraditionalism: Reflexive
Integration Theoretical Model. *Etнография*.
2023. 3 (21): 203–223. (In Russian).
doi 10.31250/2618-8600-2023-3(21)-203-223

В недавнем прошлом одной из широко распространенных тем в рамках широкой панорамы исследований, так или иначе связанных с историко-культурной динамикой, выступала проблема взаимоотношения традиций и инноваций, в том числе применительно к анализу ее представленности в изучении этнического феномена. В разработке данной темы, помимо персональных инициатив, были реализованы многие совместные проекты. Наиболее крупным и значимым из них являлась Программа фундаментальных исследований Президиума Российской академии наук «Традиции и инновации в истории и культуре» (2012–2014). Она была междисциплинарной и объединяла большое количество исследовательских коллективов из наиболее крупных центров РАН, в том числе ее региональных отделений. Основные итоги ее реализации опубликованы во многих работах, в том числе в объемной обобщающей книге с одноименным названием. Обосновывая актуальность и суть заявленной темы, руководители программы академики А. П. Деревянко и В. А. Тишков отмечали: «Понятия *традиция* и *новация* чаще всего используются в некоей неразрывной связке, что более чем оправданно, ибо любая традиция когда-то была инновацией, а сегодняшняя успешная инновация — это завтрашняя традиция» (Традиции и инновации... 2015: 3).

Следует обратить внимание на то, что союз «и», поставленный между *традицией* и *новацией* (инновацией), придает этой связке во многом неопределенный характер. Данное обстоятельство имеет не только чисто формальное значение, оно находит отражение во многих содержательных исследованиях, в которых *традиция* и *новация* часто оказываются рядоположенными феноменами, хотя и связанными между собой.

В последнее время для преодоления этой проблемной ситуации и обозначения более тесной (более определенной) связи традиции и новации используется понятие неотрадиционализма. Соответствующие исследования представлены сегодня во многих направлениях социогуманитаристики: социально-политологическом, социально-антропологическом, политико-экономическом, религиоведческом, искусствоведческом, литературоведческом и др. (Неотрадиционализм... 2019: 6).

Уже с чисто формальной точки зрения неотрадиционализм предполагает не просто существование во времени «старых» и «новых» традиций, но и традиций «обновленных», что не тождественно новым традициям. Иначе говоря, здесь фиксируется дополнительный и более конкретный аспект анализа обсуждаемой проблемы. На мой взгляд, понятие неотрадиционализма ориентирует на преодоление представления о разнесенности традиции и новации во времени и дает возможность показать дело таким образом, чтобы трактовать их как переплетенные, причем не только во временном, но и в пространственном отношении, то есть как существующие в едином пространстве в каждый данный момент времени (пространственно-временное, системно-генетическое измерение). Такой подход правомерен при исследовании разных видов

неотрадиционализма, в том числе этнокультурного, имеющего место, как отмечалось, в рамках изысканий в области анализа этнического феномена, этнической культуры во всех ее многообразных проявлениях.

В то же время даже если исследователи согласны с высказанной позицией, открытым остается вопрос о том, как именно связаны традиция и новация в современности, каков механизм и последствия их взаимодействия, как это отражается на состоянии традиционной культуры, какие здесь существуют для нее возможности, угрозы и издержки, чем отличается неотрадиционализм от традиционализма и др. По всем этим вопросам не существует желаемого или более или менее приемлемого консенсуса. Мало того, абсолютное большинство исследователей не задумываются над этими общими вопросами, хотя они являются принципиально важными для адекватного осмысления реальной жизни традиций в современных условиях, в том числе в связи с возникающими инновациями.

В расширяющемся репертуаре разнопредметных научных разработок проблематики этнокультурного неотрадиционализма в настоящее время преобладают описательные сюжеты и ощущается явный недостаток теоретических и методологических обобщений и построений. При этом в последних доминирующей является социально-конструктивистская парадигма, дополненная инструменталистским подходом. Слабо используются возможности других методологических ресурсов, притом что их применение приводит к оригинальным теоретическим результатам. Об этом свидетельствуют работы представителей новосибирской научной этносоциологической школы, к которой я сам принадлежу (из обобщающих публикаций см.: Мадюкова, Попков 2011; Попков, Тюгашев 2020; Попков и др. 2022), работы по данной теме других сибирских коллег (Ламажаа 2010; 2015; Анжиганова 2012; Аннотированный каталог... 2022)¹, а также фундаментальные исследования по проблемам современной этнической культуры с использованием новых методологических инструментов, предпринятые коллективом под руководством А. В. Головнёва (из обобщающих публикаций см.: Головнёв 2009, 2022; Головнёв и др. 2020, 2021).

С учетом обозначенной проблемной ситуации автор ставит цель концептуализации понятия этнокультурного неотрадиционализма и обоснования авторской теоретической модели данного феномена с предварительным выявлением его природы под углом зрения гносеологического и онтологического аспектов исследования. Основным методологическим ресурсом для решения поставленных задач является системно-генетический подход в его социально-философской трактовке,

¹ См. также: Научно-исследовательская база данных «Российские модели архаизации и неотрадиционализма». URL: <https://neoregion.tuva.asia/news/83-lamazhaa.html> (дата обращения: 12.01.2023). Здесь представлен обзор концепций архаизации общества и неотрадиционализма, а также конкретный эмпирический материал на эту тему по всем федеральным округам РФ. Проект был реализован под руководством Ч. К. Ламажаа.

который в наиболее полном виде представлен в концепции социальной деятельности как системного образования В. П. Фофанова (1981), а также социокультурный подход с использованием потенциальных возможностей двух его основных интерпретаций: валлоативной, основанной на аксиологической концепции культуры, и рефлексивной, рассматривающей развитие общества как продукт взаимодействия культур и цивилизаций (Фофанов 1999; Тюгашев, Попков 2019; Попков, Тюгашев 2020). Работа представляет собой обобщение и дальнейшее развитие ранее полученных автором и его сибирскими коллегами концептуальных разработок по проблемам этнокультурного неотрадиционализма.

ЦИВИЛИЗАЦИОННЫЙ КРИЗИС, ЭТНИЧЕСКИЙ РЕНЕССАНС И ЭТНОКУЛЬТУРНЫЙ НЕОТРАДИЦИОНАЛИЗМ

Мы живем в эпоху, когда отчетливо проявили себя две фундаментальные тенденции мирового развития. Одна из них — обостряющаяся фаза общецивилизационного кризиса, который является кризисом глобализации, по сути — всеобщей вестернизации. За ним стоит, в свою очередь, кризис современной модели капитализма (как основы буржуазной мирорисистемы), доминирующей в большинстве стран мира. Ее характерной чертой является всеобъемлющее потребительство, распространяемое в том числе на отношение к природе, при одновременном сохранении базисных основ соответствующего экономического и социального порядка: доминирование частной собственности, индивидуализма, либерально-рыночных ценностей, конкуренции как господствующего типа социальных взаимодействий и т. п. (см. об этом подробно: Цивилизационная миссия Сибири... 2022). О наличии такого кризиса говорят известные эксперты — от И. Валлерстайна до представителей Римского клуба, а также политики — от К. Шваба до В. В. Путина. Возможные сценарии развития кризисной ситуации имеют, как известно, неоднозначную интерпретацию — от признания необходимости «ремонта» и обновления доминирующей системы в виде неокapитализма до неизбежности кардинальных преобразований и формирования нового, альтернативного миропорядка. При этом все согласны с диагнозом «мир уже никогда не будет прежним».

Другая глобальная тенденция — этнический ренессанс, этнобум, характеризующий повсеместное усиление интереса людей разных национальностей к своим историческим корням, традициям, этнической культуре, локальным практикам. Порой это сопровождается распространением разных, в том числе политических, форм этнической консолидации. Данный процесс, как и первая обозначенная тенденция, является неоднозначным, противоречивым. Соответственно этнический ренессанс также неоднозначен в своих толкованиях. Для обозначения крайних полюсов в широком диапазоне существующих здесь оценок вполне уместна метафора А. В. Головнёва: от «ангела-хранителя» до «демона-губителя» (Головнёв 2016: 61).

Если раньше выделенные тенденции часто рассматривались как независимые друг от друга, что породило, в частности, вывод об этническом ренессансе как «этническом парадоксе», то в настоящее время многие исследователи признают их взаимную зависимость. «Глокализация» — пожалуй, наиболее очевидный терминологический конструкт, отражающий данное представление. В действительности этнический ренессанс — это не парадокс, а закономерный продукт эпохи глобализации и вестернизации, характеризующий стремление этических (этнокультурных) сообществ противостоять «катку глобализации» и их желание отстаивать свое право на существование в варианте, позволяющем не раствориться в потоке унификации.

Действие и проявления данной тенденции стали настолько заметными и сильными, что это породило многочисленные дискуссии о проблемах и перспективах развития соответствующего процесса. И некоторые из них приводят к фундаментальному выводу (в данном случае сделанному философами на основе обобщения многих эмпирических данных): «На смену увлечению глобализацией приходит эпоха нового традиционализма» (Глинчикова и др. 2017: 133).

На мой взгляд, такой вывод не вполне корректен по крайней мере по двум причинам. Во-первых, в современных, хотя и кризисных для глобализации условиях вряд ли возможна ее абсолютная замена на нечто совершенно иное. Те или иные элементы и проявления глобализации неизбежно продолжают свое существование в настоящем и, вероятно, сохранятся в будущем, хотя и в новых формах. Во-вторых, современность — настолько сложное явление, что ее объяснение лишь с помощью ресурсов традиционализма (предполагающего обращение к прошлому), пусть и нового, всегда будет фрагментарным, неполным. Но даже если и говорить о важной роли традиции (ориентации на традицию), следует иметь в виду не аутентичную традицию, а ее современное состояние, то есть неотрадицию. Поэтому соответствующий подход корректнее назвать не традиционализмом, а неотрадиционализмом. Именно этот термин в последнее время широко распространен в исследованиях представителей разных научных дисциплин социогуманитарного профиля.

Не останавливаясь на анализе существующих наработок по проблемам неотрадиционализма, в том числе этнокультурного неотрадиционализма (см. существующие обзоры: Мадюкова, Попков 2011: 28–49; Ламажаа 2015; Неотрадиционализм... 2019: 12–30; Попков, Тюгашев 2020: 114–126), выделю существующие здесь основные проблемные зоны в контексте поставленной цели с обозначением своего видения по ключевым вопросам.

Как отмечалось во введении, преобладающими в данном тематическом направлении являются ориентация на получение эмпирических данных и описательные практики исследователей. На мой взгляд, не менее значимыми выступают концептуализация понятия этнокультурного неотрадиционализма и разработка соответствующей аргументированной

теоретической модели, включающей в себя в том числе указание на эффективные методологические подходы, способные обеспечить ее успешное применение.

Неоднозначной является интерпретация природы того феномена, который стоит за понятием «неотрадиционализм». Чаще всего под ним имеется в виду комплекс идейных представлений, своего рода доктрина, характеризующая рассмотрение действительности сквозь призму взаимоотношения прошлого и настоящего в отношении к традиции. По сути, здесь фиксируется гносеологическая сторона вопроса. Стоит при этом заметить, что неотрадиционализм, в отличие от традиционализма (который ориентирован на взгляд в прошлое в связи с настоящим), представляет собой подход исследователя с другими акцентами — взгляд на настоящее (а в некоторых случаях и в будущее) в связи с прошлым.

Другая сторона дела касается онтологической интерпретации этнокультурного неотрадиционализма. Рассматривая форму самого слова «неотрадиционализм», стоит отметить, что суффикс «-изм» в существительных может не только указывать на значение ‘учение’ (направление, доктрина), но и означать некоторое качество, состояние. В нашем случае это состояние традиционной этнической культуры, как она представлена в настоящее время. Именно оно и отражается в феномене этнокультурного неотрадиционализма. Мне с моими соавторами уже доводилось писать о том, что этнокультурный неотрадиционализм характеризует не только комплекс некоторых представлений о действительности, но и саму этнокультурную жизнь, содержание бытия этических сообществ, конкретных этнофоров (Мадюкова, Попков 2011; Попков, Тюгашев 2020).

Тем самым выходим на принципиальный вопрос, касающийся природы этнокультурного неотрадиционализма, — вопрос о его общей фундаментальной характеристике. Большинство исследователей, как это можно понять из предыдущего анализа, рассматривают его в качестве некоторого духовного образования. Мы с коллегами настаиваем на ином представлении — понимании этнокультурного неотрадиционализма как духовно-практического явления (Попков, Тюгашев 2020: 105–126).

Существующие расхождения в данном вопросе во многом связаны с теми теоретико-методологическими основаниями, на которых базируются разные интерпретации существа данного феномена. Сказанное выше об укорененности этнокультурного неотрадиционализма в реальной жизни современной этнической культуры тех или иных этнических сообществ выражает диалектико-материалистическую научную позицию. Но ее в настоящее время придерживаются далеко не все исследователи. Точнее, преобладающая их часть являются, как отмечалось, сторонниками иной — конструктивистской и инструменталистской — трактовки данного явления. Об этом красноречиво свидетельствует уже само название отмеченной выше солидной коллективной междисциплинарной монографии авторов из Санкт-Петербурга: «Неотрадиционализм: архаический синдром и конструирование новой социальности в контексте

процессов глобализации» (Неотрадиционализм... 2019). При этом В. А. Попов, один из ее ответственных редакторов, опираясь на проведенный анализ публикаций и делая обобщение, так разводит неоархаизацию и неотрадиционализм: первый понимается как «некий стихийный, не слишком осознанный процесс использования социальных и духовных практик», второй ассоциируется «с осознанным процессом конструирования новых социальных и политических институтов» (Неотрадиционализм... 2019: 6). Он также подчеркивает, что при анализе многих конкретных вопросов неотрадиционализм в книге рассматривается как «инструмент солидаризации восточных обществ» и как «технология управления и трансформации традиционных обществ» (Неотрадиционализм... 2019: 3).

Таким образом, здесь имеет место конструктивистско-инструменталистская интерпретация этнокультурного неотрадиционализма, которая является широко распространенной методологической установкой. Со всей очевидностью это проявилось на специальной секции «Неотрадиционализм и конструирование новой идентичности в контексте процессов глобализации/глокализации» во время работы XIV Конгресса антропологов и этнологов России (2021). Я был участником состоявшейся здесь дискуссии и лишней раз убедился в ограниченности возможностей такого подхода. Эта ограниченность связана с тем, что его применение оставляет за пределами научного поиска многие пласты реальности, в том числе влияние объективных условий и значимых факторов, которые в конечном итоге являются определяющими при формировании этнокультурного неотрадиционализма.

Надо иметь в виду и еще один важный момент, который обычно находится вне поля зрения конструктивистов: сами социальные конструкты как продукты деятельности людей не являются чисто субъективными феноменами, они также объективно обусловлены (и это обстоятельство чаще всего остается без внимания). Это в свое время хорошо показал Ю. И. Семенов в специальном анализе данной проблемы применительно к исследованию этнического феномена, обратив, в частности, внимание на то, что замыкаться в рамках социального конструктивизма — значит отрываться от реальности (Семенов 2006: 97–100).

ОНТОЛОГИЧЕСКИЕ И ГНОСЕОЛОГИЧЕСКИЕ ОСНОВАНИЯ РЕФЛЕКСИВНО-ИНТЕГРАЦИОННОЙ КОНЦЕПЦИИ ЭТНОКУЛЬТУРНОГО НЕОТРАДИЦИОНАЛИЗМА

Главные ограничения при применении конструктивистского подхода к изучению этнокультурного неотрадиционализма видятся в сужении проблемного поля соответствующих исследований, замыкании его по преимуществу на вопросах идентичности, особенно когда она трактуется как субъективное явление (что происходит чаще всего).

Я выступаю сторонником другого, более емкого и более глубокого, на мой взгляд, комплексного подхода, который предлагаю назвать рефлексивно-интеграционным. Данный комплекс представляет собой интеграцию двух составляющих: 1) рефлексивной концепции этнокультурного неотрадиционализма (онтология этнокультурного неотрадиционализма); 2) методологических ресурсов при его исследовании: диалектико-материалистическая методология, используемая при обосновании обозначенной концепции, дополняется совокупностью современных актуальных подходов (гносеология этнокультурного неотрадиционализма). В первом случае опираюсь на указанные выше разработки представителей новосибирской научной этносоциологической школы, во втором — на дополнительные возможности реализуемых другими авторами новых эвристически значимых методологических ресурсов и средств в исследовании современной этнической культуры и этнического феномена в целом. И здесь речь идет прежде всего о наработках двух исследовательских коллективов — коллектива под руководством А. В. Головинёва (см. отмеченные ранее работы) и коллектива под руководством Ч. К. Ламажаа (см. обширный перечень их публикаций последнего времени: Аннотированный каталог... 2023). Использование комплексного, рефлексивно-интеграционного подхода реализуется в соответствующей (рефлексивно-интеграционной) концепции (теоретической модели) этнокультурного неотрадиционализма, которая дает иную, чем в рамках социального конструктивизма, трактовку природы, механизма формирования и содержания данного феномена.

К числу наиболее значимых оснований и особенностей предлагаемого подхода и соответствующей теоретической модели принадлежат следующие.

1. Как отмечалось, традицию и неотрадиционализм мы квалифицируем не только как духовное, но и как социально-практическое явление, поскольку приверженность традиции состоит не только в определенной установке или умонастроении, но также в следовании ей в реальной общественной и персональной жизни. Пожалуй, первым, кто отчетливо заявил о неотрадиционализме как практическом явлении, связанном с традиционным хозяйством и экономической политикой, был А. И. Пика, который обосновал свое представление о нем в связи с анализом актуальных проблем развития коренных малочисленных народов Севера в начальный постсоветский период (Пика 1996).

2. Важное значение имеет фиксация разных исторических форм следования (трансформации) традиции. В данном контексте мы выделяем соответственно: традиционизм (архаическая, примордиальная форма традиции в традиционном обществе) — традиционализм (свойственный ориентации на прошлую традицию в период модернизации традиционных обществ, он выражает, как отмечает А. Б. Гофман, «требование безусловного следования, сохранения или восстановления традиции, возникающее в ситуации ее реального или потенциального нарушения, выхода

за ее пределы» (Гофман 2016: 331)) — неотрадиционализм (современная возрожденная форма традиции, представляющая ориентацию на настоящее с учетом прошлого). Им свойственна разная степень выраженности рефлексивности, стихийности и сознательности в процессе следования традиции (Попков, Тюгашев 2020: 105–114).

3. Опора на материалистическую диалектику в виде системно-генетического (системно-деятельностного) и социокультурного подходов (в обозначенном во введении настоящей статьи смысле) позволила обосновать рефлексивную концепцию этнокультурного неотрадиционализма (см., например: Попков, Тюгашев 2020: 114–126). Она отличается от существующих конструктивистской, информационно-семиотической и других интерпретаций этнокультурного неотрадиционализма. Кроме уже отмеченных представлений о нем, важным представляется выделение этнической культуры как среды существования традиции и неотрадиции, а также этнической общности (народа, этноса) в качестве их субъекта (носителя)². Изначально этнокультурная традиция характеризует устойчивые модели поведения по освоению и культивированию природного ландшафта — месторазвития конкретного этноса, а также внутриэтнических отношений. В ходе дальнейшего развития при условии взаимодействия с другими этносами происходит освоение социокультурного ландшафта, что и является главным фактором формирования неотрадиционализма (неотрадиций). Обновление традиции совершается «на перекрестке культур», происходит «не столько на внутренней, сколько на внешней этнокультурной основе. Этнокультурный неотрадиционализм опосредствуется иноэтнической традицией и по существу есть интерэтнокультурный неотрадиционализм» (Тюгашев, Попков 2020: 119).

Этнокультурный неотрадиционализм в общем виде можно определить как духовно-практическое явление, характеризующее современное состояние этнической культуры и связанное с преобразованием аутентичной традиции в ее обновленную и адаптированную к актуальным условиям форму путем рефлексии внутренних и внешних условий развития этнокультур в системе синхронно-диахронных взаимодействий этносоциальных субъектов. Он имеет пространственно-временное измерение. Его основа — в прошлом (диахрония, временной аспект), а источник обновления — в актуальных взаимодействиях с другими этнокультурами при условии сохранения влияния и логики развития собственной традиционной культурой (синхрония, пространственный аспект). В конечном итоге этнокультурный неотрадиционализм представляет собой не только современное состояние этнической культуры, но и определенный

² Проявляя уважение к традициям отечественного народоведения и учитывая реальные дискурсивные практики, к которым прибегают многие российские исследователи, я также применяю понятие «этнос», используя его в качестве почти синонима других схожих понятий — «этническая общность» и «народ» в его этнокультурном смысле. В свою очередь, эти понятия я рассматриваю как фиксирующие реально существующие общественные феномены.

механизм, обеспечивающий успешное саморазвитие и модернизацию традиционного общества.

Рефлексия здесь понимается не только как осознанная (мыслительная) деятельность субъекта в отношении практики, но и как свойство самой практики, проявляющейся во взаимопроникновении и взаимной адаптации различных ее компонентов. Это касается как взаимодействия этнического сообщества с природным ландшафтом, в процессе освоения которого формируется исходная традиция, так и его взаимодействия с социокультурным ландшафтом (то есть отношения данного сообщества с другими этническими сообществами), в ходе благополучного освоения которого собственно и вырабатывается неотрадиция. В отличие от многочисленных фиксируемых исследователями негативных явлений, касающихся рассматриваемой проблемной области (разрушения подлинной традиции, псевдотрадиции, «игры» в традицию, а также других мифотворческих эффектов), о собственно неотрадиции можно говорить тогда, когда сохраняется логика развития этнической культуры и когда она позволяет удовлетворять фундаментальные этнокультурные потребности этнических сообществ и отдельных этнофоров.

4. Обозначенное представление о рефлексивной многомерной природе этнической культуры (в ее проявлении по отношению и к естественной, и к социокультурной среде) дает основание говорить о ее динамичном характере, причем как во временном, так и в пространственном отношении. В свою очередь, сама динамика представляет собой сложное переплетение, единство (рефлексию) устойчивости и изменчивости.

Аналогичные выводы обобщающего характера в ходе исследования этнических культур обосновывает А. В. Головнёв, используя другие познавательные возможности и средства, в частности методологию антропологии/этнографии движения, концепции пространства-времени, взаимодействия локальных и магистральных культур (Головнёв 2009, 2012, 2022; Головнёв и др. 2020). Так, по результатам анализа этнокультурной динамики развития народов Севера он заключает: «Северу свойственна, с одной стороны, устойчивость культур и систем коммуникации с глубокой древности. С другой стороны, высокая адаптивность северных сообществ к экологическим и социальным переменам обусловила их изменчивость, которая стала залогом устойчивости. Сценарии этноистории развиваются на Севере не по каким-либо генеральным законам эволюции или роста организма, а в ситуативном диалоге локальных и магистральных культур, стратегиях и действиях их элит. Ключевым мотивом этничности во все времена был контроль над природным и социальным пространством» (Головнёв 2012: 12).

Особое внимание хочу здесь обратить на следующие важные моменты. Речь идет об устойчивости культур и выработанных систем коммуникаций на протяжении длительного времени начиная с глубокой древности. Весьма продуктивной по своим эвристическим возможностям

считаю также диалектическую формулу «изменчивость как залог устойчивости». В данной связи важно вспомнить фундаментальные идеи академика А. П. Окладникова, методологическое наследие которого является одной из концептуальных основ формирования новосибирской научной школы этносоциологии, во многом определяя ее парадигмальную специфику (Попков и др. 2022). Еще в начале 1970-х гг., опираясь на обобщение многочисленных археологических и исторических данных, он говорил о непрерывности этнического субстрата от палеолита до современности и в то же время подчеркивал, что народы (этнос) и их культуры развиваются во времени и перемещаются в пространстве (Окладников 1973). На это же обращал внимание один из основоположников евразийства П. Н. Савицкий, в частности в статье с названием, прямо указывающим на эту идею: «Миграция культуры» (2010). Принципиально значимым является и признание за этнической культурой, точнее за ее носителями, функции контроля над природным и социальным пространством. То есть речь идет не просто об адаптации к тому и другому, а об их контроле. Следовательно, мы можем говорить о субъектности носителей этнической культуры, то есть об их активной роли в системе социоэкологических и социокультурных взаимодействий.

5. Как видно из изложенного выше, я далек от понимания этнической культуры и ее носителей (народов, этносов, этнических общностей — в советской терминологической традиции) как застывших, неизменных явлений, якобы гомогенных и статичных по своей природе, с наличием жестких границ, отделяющих их друг от друга (см. об этом, например: Тишков 2003: 55, 60). Такое представление, думаю, было сознательно навязано конструктивистами (в угоду «прогрессивным западным стандартам») для опровержения объективной природы этнической общности (этнота), дискредитации традиций отечественного народоведения, о потенциале и достижениях которого в последнее время активно пишет А. В. Головнёв. Он же отмечает: «...в постсоветское время пристрастие отечественных этнографов к этносу, этногенезу, этноистории и этническим процессам представлялось следствием пресловутого отставания от западной антропологии» (Головнёв 2016: 62). На самом деле и этнические культуры, и этнические общности не являются гомогенными и статичными образованиями. К тому же и сами они, можно сказать, находятся в движении.

С учетом такого представления правомерен разговор о «подвижности» и самих понятий, отражающих изменчивую реальность. Так, на мой взгляд, в современных условиях, помимо понятия этнической общности, может использоваться другое понятие — «этническое сообщество» (точнее говоря, оно уже многими используется, но стихийно, без необходимой рефлексии). Это связано как раз с отсутствием однородности, гомогенности соответствующего образования. Известно, что этническая общность является исходно неоднородной, поскольку формируется из разных родо-племенных групп. На стадии этногенеза их объединяет

(в определенную общность) пространственная локализация на определенной территории при сохранении внутренних различий, что проявляется, в частности, в существовании разных диалектов в языке, производственно-хозяйственной специализации отдельных групп и др.³ Народ не является монолитным образованием, «его внутренние и внешние отношения полны конкуренции и ситуативности, что придает этничности многообразие и гибкость» (Головнёв 2016: 61).

По мере рассеивания изначальной общности, сформировавшейся в определенной экологической нише, происходит отрыв от «материнского этноса» и концентрация отдельных его представителей в виде больших или малых групп (диаспор) в разных пространственных локациях, иногда значительно удаленных друг от друга. Поэтому всю совокупность представителей данного народа-этноса не на стадии этногенеза, а в ходе последующего развития можно, на мой взгляд, называть не этнической общностью, а этническим сообществом.

Сообщество характеризует новое качество исходной этнической общности, поскольку теперь она состоит из разных ее «изводов» — относительно самостоятельных пространственных локусов этноса, каждый из которых «вписан» в особый (локальный) природный и этнокультурный ландшафт с различающимися проблемами, разной степенью сохранности этнической культуры, а следовательно, и с различающимися эффектами проявления этнокультурного неотрадиционализма. С помощью понятия «сообщество» акцентируется наличие внутреннего разнообразия (многообразия), неоднородности, подвижности (гибкости) в рамках некоторого единства — отдельных общностей (сообществ).

Единство здесь — принадлежность и приверженность данному этносу по ряду существенно значимых признаков, разнообразие — особые практики жизнедеятельности и жизнеобеспечения разных групп данного этноса, которые могут опираться на различающиеся ценностно-нормативные системы при сохранении некоторого общего «этнического» ядра. Это касается в том числе и малочисленных народов, не говоря уже о многочисленных. Так, А. В. Головнёв отмечает: «Русские по ходу экспансии и адаптации обогатили собственное “культурное многообразие”: москвичи и новгородцы, казаки и поморы, старообрядцы многих согласий, чалдоны, севрюки, устьянцы — малая часть отличающихся друг от друга, иногда до противостояния, русских» (Головнёв 2016: 65).

Образно говоря, сообщество — это определенным образом объединенная совокупность «малых» обществ — локализованных образований представителей данного этноса. Правомерность использования в рассматриваемом случае элемента «общество» я связываю с необходимостью подчеркнуть общественную, коллективную сущность (бытие)

³ Например, известно, что чукотский этнос образуют две основные его группы — береговые чукчи, специализирующиеся на морском зверобойном промысле, и материковые чукчи-оленьеводы. Между ними существует тесное взаимодействие, в том числе регулярный обмен продукцией данных видов хозяйства.

и самого этноса, и всех его структурных компонентов, включая персональных носителей соответствующей культуры. Только в рамках коллективно-общественного «этнического существования» отдельный индивид становится этнофором и сохраняет этот статус впоследствии.

6. Представление об этническом сообществе как гетерогенном, неоднородном образовании является одним из оснований для его характеристики в качестве своеобразной сетевой структуры (системы), если иметь в виду общую композицию, его внутренний дизайн. Материнский этнос (этногенетическое ядро), субэтнические группы, диаспоры, формальные и неформальные лидеры, этнофоры — составляющие данной сетевой структуры с особыми, можно сказать, кооперативными, солидарными отношениями. Наиболее отчетливо это проявляется в цифровую эпоху, когда внутриэтническая коммуникация между элементами данной системы значительно облегчилась и во многом активизировалась. И дело не ограничивается лишь киберэффектами, о которых говорят большинство исследователей. Возникшая виртуальная реальность оказала существенное влияние на изменение социокультурной реальности. Это хорошо показала Ч. К. Ламажаа на примере тувинцев. По итогам специального исследования она делает вывод о правомерности рассмотрения сети как нового пространства функционирования социальной культуры тувинского этноса, подчеркивая при этом, с одной стороны, изменчивость этнической культуры во времени, с другой стороны, важное значение использования современных технических средств для возвращения к ее истокам, глубинным смыслам и ценностям, среди которых базовыми остаются и по-новому актуализируются традиционные социальные связи родственных групп (Ламажаа 2021: 115). Аналогичные выводы делает С. Ю. Белорусова применительно к коренным малочисленным народам, показывая, в частности, что при активной освоенности интернет-пространства «реальный мир остается истинной опорой их идентичности» (Белорусова 2022: 84).

7. Миграция отдельных внутренних групп разных этносов, сопровождающаяся «миграцией» этнической культуры по широким социокультурным пространствам, определяет особенности существования этнической культуры и этнокультурного неотрадиционализма в разных локусах сетевой структуры. Отдельными вкраплениями этническая культура одних этносов оказывается вписанной в пространство существования других этносов. Если раньше, особенно на стадии этногенеза, этнокультурное разнообразие характеризовало преимущественно внешние отношения разных этносов, то в настоящее время оно стало внутренним состоянием региональных и многих локальных сообществ. Вслед за этим важно говорить об определенной своеобразии формирования и проявлений этнокультурного неотрадиционализма у разных групп населения одного этноса в различающихся плоскостях — в рамках материнского этноса и в иноэтнической среде. Для последнего случая С. А. Мадюкова оправданно вводит и обосновывает специальное понятие

«иноэтнокультурный неотрадиционализм», раскрывая его содержание на примере разных этнических групп мигрантов при анализе специфики воспроизводства этнокультурных традиций и поведенческих практик вне лона материнского этноса (Мадюкова 2018).

8. Поскольку этническая культура изначально, а особенно в современных условиях, представляет собой весьма сложное социальное явление, ее комплексное и адекватное осмысление невозможно, если использовать ограниченные (одномерные) методологические ресурсы и ракурсы. Так, в науке долгое время господствовал, можно сказать, внешний взгляд на нее (аутсайд), при этом почти всегда профессиональный исследователь являлся представителем другой этнической культуры. Кроме того, в самом этом внешнем взгляде преобладал особый ракурс — сравнительный анализ данной культуры с другими культурами (компаративистские исследования). В последнее время важными и популярными становятся так называемые индигенные исследования (*indigenous methodology*) — изучение этнических культур самими ее носителями (инсайд). Этот аспект рассмотрения ее как бы изнутри открыл новые возможности и принес новые значимые научные результаты, о чем свидетельствует, в частности, осуществленное под руководством Ч. К. Ламажаа исследование современных проблем развития тувинской культуры с использованием ресурсов тезаурусного подхода, обогащенного с помощью методов киберэтнографии (Ламажаа 2012, 2021; Lamazhaa 2018; Дагылга... 2021; Ламажаа и др. 2022; Аннотированный каталог... 2023). Авторы указанного подхода, Вал. А. Луков и Вл. А. Луков, определяют тезаурус «как полный систематизированный свод освоенных социальным субъектом [в нашем случае — носителями этнической культуры. — *Примеч. Ю. П.*] знаний, существенных для него как средство ориентации в окружающей среде, а сверх того — знаний, которые непосредственно не связаны с ориентационной функцией, но расширяют понимание субъектом себя и мира» (Луков Вал., Луков В. 2008: 67).

Применение этой концепции дает представление о том, как культура, в данном случае — этнокультура, понимается самими ее носителями и как она выражена в терминах, языке этой культуры. Это позволяет постигать внутреннюю природу конкретной этнической культуры, механизмы ее функционирования, а также особенности восприятия и оценки разных ее проявлений со стороны самих носителей, инсайдеров этой культуры, а не только внешних наблюдателей (Попков 2023).

9. Еще один аспект, который заслуживает внимания, — это учет использования разного рода институциональных, в том числе политических, ресурсов для содействия сохранению этнической культуры и этнокультурного разнообразия (об институциональной интерпретации этнокультуры см.: Мадюкова 2022). Известно, например, что поддержка этнокультурного разнообразия (многообразия) определена в качестве одной из целей Стратегии государственной национальной политики

Российской Федерации. Поэтому важным представляется исследование того, как именно государственная политика и существующие правовые ресурсы влияют на сохранение реальной этнической культуры и реального этнокультурного разнообразия, которые не должны сводиться к формальным, статистическим этнодемографическим показателям, сделанным на основе самоидентификации индивидов. К сожалению, именно таким образом представлена данная проблема в Стратегии. Причина, на мой взгляд, — то обстоятельство, что ее методологической основой является конструктивистско-инструменталистская парадигма, в том числе и в отношении интерпретации этнокультурного разнообразия (см., например: Попков 2020). Ограниченность такого подхода четко выразил А. В. Головнёв: «Демографический тон в суждениях о множестве народов создает таблично-статистическую картину, в которой теряются индивидуальность и самобытность каждого народа. Этот подход по-своему оправдан, поскольку дает обзор “массива”, однако без этнографической конкретизации напоминает древнее представление о плоской Земле, годное для самоуспокоения, но пренебрегающее сущностными реалиями» (Головнёв 2016: 63).

10. Успешное постижение этнической культуры с учетом ее ускоряющейся динамики и усложняющегося бытия в настоящее время, в том числе под влиянием цифровизации общественной и индивидуальной жизни (когда виртуальное пространство становится значимым ресурсом формирования этнической реальности), невозможно без использования методов так называемой новой этнографии. Это направление активно разрабатывается группой ученых под руководством А. В. Головнёва и ориентировано на исследование не прошлого этнической культуры, а ее настоящего (которое невозможно без учета традиций прошлого), а также на интеграцию фундаментальных и прикладных разработок; включенное наблюдение с применением технологий упоминавшихся индигенных исследований; использование методов киберэтнографии и др. (Головнёв 2021; Головнёв и др. 2021; Белоруссова 2022). Эти же методы, как отмечалось, активно использует применительно к исследованию современной тувинской культуры (и получает оригинальные результаты) коллектив под руководством Ч. К. Ламажаа (Аннотированный каталог... 2023). Считаю, что всякие исследования этнической культуры в ее социальной и виртуальной реальности в настоящее время, если они осуществляются без учета широкой палитры обозначенных современных подходов, обречены быть ограниченными, поверхностными.

***

Выделенные выше положения в совокупности я рассматриваю в качестве составляющих рефлексивно-интеграционной теоретической модели этнокультурного неотрадиционализма. Она базируется, с одной стороны, на представленной рефлексивной концепции данного явления,

с другой стороны, на объединении ее с системой обозначенных выше подходов в исследовании современной этнической культуры, проявляющихся во внешнем и внутреннем взгляде на нее, фиксации ее неоднородности, подвижности, особенностей функционирования в локусе материнского этноса и вне его, с учетом воздействия киберпространства и т. д. Интегрированные в целостную познавательную систему, все эти ресурсы при условии их комплексного применения могут создать синергетический эффект и помочь справиться с адекватным постижением сложной природы и разносторонних проявлений феномена этнокультурного неотрадиционализма в современных сложных и быстро меняющихся условиях.

Подтверждение правомерности отдельных положений представленной теоретической конструкции модели с использованием конкретных иллюстративных материалов может составлять самостоятельную научную задачу, решение которой планируется осуществить в последующих публикациях.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

Анжиганова Л. В. Этнический неотрадиционализм в условиях социокультурных трансформаций // Мир науки, культуры образования. 2012. № 6. С. 438–440.

Аннотированный каталог основных научных изданий Лаборатории этнологии и лингвокультурологии ТувГУ. 2021–2022 гг. / Под ред. Ч. К. Ламажаа и Н. Д. Сувандии. Кызыл, 2023. 56 с.

Белоруссова С. Ю. Коренные малочисленные народы России: виртуальная этничность и сетевые опыты // Этнография. 2022. № 4 (18). С. 84–111.

Глинчикова А. Г., Синеокая Ю. В., Степанянц М. Т. Архаизация: поворот вспять или мобилизация к будущему? // Философский журнал. 2017. Т. 10. № 3. С. 133–152.

Головнёв А. В. Северность России. СПб.: МАЭ РАН, 2022. 450 с.

Головнёв А. В. Антропология движения (древности Северной Евразии). Екатеринбург: УрО РАН; Волот, 2009. 496 с.

Головнёв А. В. Этничность: устойчивость и изменчивость (опыт Севера) // Этнографическое обозрение. 2012. № 2. С. 3–12.

Головнёв А. В. Этнокультурный потенциал и полиэтничность (российский ракурс) // Вестник Томского государственного университета. История. 2016. № 4 (42). С. 61–67.

Головнёв А. В. Новая этнография Севера // Этнография. 2021. № 1 (11). С. 6–24.

Головнёв А. В., Белоруссова С. Ю., Киссер Т. С. Очерки антропологии движения. СПб.: МАЭ РАН, 2020. 336 с.

Головнёв А. В., Белоруссова С. Ю., Киссер Т. С. Киберэтнография и виртуальная этничность. СПб.: МАЭ РАН, 2021. 280 с.

Гофман А. Б. Традиция // Большая российская энциклопедия: в 35 т. Т. 32. М.: Большая Российская Энциклопедия, 2016. С. 331.

Дагылга: тувинские обряды освящения в XXI веке / Под ред. Ч. К. Ламажаа, Н. Д. Сувандии. Кызыл: Изд-во «Офсет», 2021. 188 с.

Ламажаа Ч. К. Архаизация, традиционализм и неотрадиционализм // Знания. Понимания. Умения. 2010. № 2. С. 88–93.

Ламажаа Ч. К. Тезаурусный подход в тувиноведении // Знание. Понимание. Умение. 2012. № 2. С. 38–45.

Ламажаа Ч. К. Российские модели архаизации и неотрадиционализма в условиях модернизации // Управление мегаполисом. 2015. № 1. С. 76–83.

Ламажаа Ч. К. Социальная культура тувинцев и онлайн-пространство // Новые исследования Тувы. 2021. № 2. С. 115–129.

Ламажаа Ч. К., Сувандии Н. Д., Кужугет Ш. Ю., Майны Ш. Б. Тувинцы. Родные люди / Отв. ред. Ч. К. Ламажаа, Н. Д. Сувандии. СПб.: Нестор-История, 2022. 344 с.

Луков Вал. А., Луков Вл. А. Тезаурус: Субъектная организация гуманитарного знания. М.: Изд-во Национального института бизнеса, 2008. 784 с.

Мадюкова С. А. Является ли этническая культура социальным институтом? // Respublica Literaria. 2022. Т. 3. № 2. С. 80–92.

Мадюкова С. А. Феномен иноэтнокультурного неотрадиционализма // Сибирский философский журнал. 2018. Т. 16. № 1. С. 150–163.

Мадюкова С. А., Попков Ю. В. Феномен социокультурного неотрадиционализма. СПб.: Алетейя. 2011. 132 с.

Неотрадиционализм: архаический синдром и конструирование новой социальности в контексте процессов глобализации / Отв. ред. В. В. Бочаров, В. А. Попов. СПб.: Центр информатизации образования «КИО», 2019. 320 с.

Окладников А. П. Этногенез и культуригенез // Проблемы этногенеза народов Сибири и Дальнего Востока / Отв. ред. А. П. Деревянко. Новосибирск: [б. и.], 1973. С. 5–11.

Пица А. И. Неотрадиционализм на российском Севере // Социологические исследования. 1996. № 11. С. 47–53.

Попков Ю. В. Современная российская национальная политика: концептуально-целевые основы и опыт реализации (на примере Тувы) // Новые исследования Тувы. 2020. № 3. С. 253–268.

Попков Ю. В. «Почва» в этничности: отечественное народоведение в испытаниях «перестройкой» и постмодернизмом // Новые исследования Тувы. 2023. № 1. С. 137–153.

Попков Ю. В., Костюк В. Г., Персидская О. А. Новосибирская научная этносоциологическая школа. Новосибирск: ИФПР СО РАН, 2022. 50 с.

Попков Ю. В., Тюгашев Е. А. Этнокультурный неотрадиционализм и идентичность в современных социокультурных трансформациях. Новосибирск: Изд-во НГТУ, 2020. 256 с.

Савицкий П. Н. Миграция культуры // Избранное. М.: РОССПЭН, 2010. С. 123–134.

Семенов Ю. И. Торопиться с зауспокойной молитвой по этносу вряд ли стоит (Об основных идеях книги В. А. Тишкова «Реквием по этносу. Исследования по социально-культурной антропологии»). М., 2003) // Философия и общество. 2006. Вып. 2 (43). С. 94–106.

Тишков В. А. Реквием по этносу: Исследования по социально-культурной антропологии. М.: Наука, 2003. 544 с.

Традиции и инновации в истории и культуре / Отв. ред. А. П. Деревянко, В. А. Тишков. М., 2015. 620 с.

Тюгашев Е. А., Попков Ю. В. Социокультурная парадигма: базовые интерпретации // Вестник Томского государственного университета. 2019. № 445. С. 67–71.

Фофанов В. П. Всемирная история как рефлексия цивилизаций // Гуманитарные науки в Сибири. 1999. № 1. С. 44–48.

- Фофанов В. П. Социальная деятельность как система. Новосибирск: Наука, 1981. 304 с.
- Цивилизационная миссия Сибири: от техногенно-потребительской к духовно-экологической стратегии глобального и регионального развития / Под ред. А. В. Иванова. Барнаул: Новый формат, 2022. 362 с.
- Lamazhaa Ch. K. Indigenous Methodology and Research of Tuvan Culture // *Sibirica*. 17 (3). 2013. P. 68–82.

REFERENCES

- Anzhiganova L. V. [Ethnic neotraditionalism in the context of socio-cultural transformations]. *Mir nauki, kul'tury obrazovaniia* [World of science, education culture], 2012, no. 6. pp. 438–440. (In Russian).
- Belorussova S. Yu. [Indigenous peoples of Russia: virtual ethnicity and network experiments]. *Etnografiya*, 2022, no. 4 (18), pp. 84–111. (In Russian).
- Dagylga: *tuvinskie obriady osviascheniia v 21 veke* [Dagylga: Tuvan rites of consecration in the 21st century]. Eds by Ch. K. Lamazhaa, N. D. Suvandii. Kyzyl: Izdatel'stvo "Ofset" Publ., 2021. (In Russian).
- Fofanov V. P. [World history as a reflection of civilizations]. *Gumanitarnye nauki v Sibiri* [Humanities in Siberia], 1999, no. 1, pp. 44–48. (In Russian).
- Fofanov V. P. *Sotsial'naiа deiatel'nost' kak sistema* [Social activity as a system]. Novosibirsk: Nauka Publ., 1981. (In Russian).
- Glinchikova A. G., Sineokaya Yu. V., Stepanyants M. T. [Archaization: turning back or mobilizing for the future?]. *Filosofskii zhurnal* [Philosophical journal], 2017, vol. 10, no. 3, pp. 133–152. (In Russian).
- Golovnev A. V. [Ethnicity: Stability and Variability (Experience of the North)]. *Etnograficheskoye obozreniye* [Ethnographic Review], 2012, no. 2, pp. 3–12. (In Russian).
- Golovnev A. V. [Ethnocultural potential and polyethnicity (Russian perspective)]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoriiа* [Bulletin of the Tomsk State University. History], 2016, no. 4 (42), pp. 61–67.
- Golovnev A. V. [New ethnography of the North]. *Etnografiya*, 2021, no. 1 (11), pp. 6–24. (In Russian).
- Golovnev A. V. *Antropologiiа dvizheniia (drevnosti Severnoi Evrazii)* [Anthropology of movement (antiquities of Northern Eurasia)]. Yekaterinburg: URO RAS; "Volot" Publ., 2009. (In Russian).
- Golovnev A. V. *Severnost' Rossii* [Northern Russia]. St. Petersburg: MAE RAS Publ., 2022. (In Russian).
- Golovnev A. V., Belorussova S. Yu., Kisser T. S. *Kiberetnografiya i virtual'naiа etnichnost'* [Cyberethnography and virtual ethnicity]. St. Petersburg: MAE RAS Publ., 2021. 280 p. (In Russian).
- Golovnev A. V., Belorussova S. Yu., Kisser T. S. *Ocherki antropologii dvizheniia* [Essays on the anthropology of movement]. St. Petersburg: MAE RAS Publ., 2020. (In Russian).
- Hoffman A. B. [Tradition]. *Bol'shaia Rossiiskaia Entsiklopediia* [Great Russian Encyclopedia]. In 35 vols. Vol. 32 / Moscow: Great Russian Encyclopedia Publ., 2016. (In Russian).
- Lamazhaa Ch. K. [Archaization, traditionalism and neotraditionalism]. *Znaniia. Ponimaniia. Umeniia* [Knowledge. Understanding. Skills], 2010, no. 2, pp. 88–93. (In Russian).

Lamazhaa Ch. K. [Russian models of archaization and neotraditionalism in the context of modernization]. *Upravlenie megapolisom* [Megapolis Management], 2015, no. 1, pp. 76–83. (In Russian).

Lamazhaa Ch. K. [Thesaurus approach in Tuvan studies]. *Znanie. Ponimanie. Umenie* [Knowledge. Understanding. Skill], 2012, no. 2, pp. 38–45. (In Russian).

Lamazhaa Ch. K., Suvandi N. D., Kuzhuget Sh. Yu., Mainy Sh. B. *Tuvintsy. Rodnye liudi* [Tuvans. Native people]. Eds by Ch. K. Lamazhaa, N. D. Suvandii. St. Petersburg: Nestor-Istoriya Publ., 2022. (In Russian).

Lamazhaa Ch. K. [Social culture of Tuvans and online space]. *Novye issledovaniia Tuvy* [New studies of Tuva], 2021, no. 2, pp. 115–129. (In Russian).

Lamazhaa Ch. K. Indigenous methodology and research of Tuvan culture. *Sibirica*, 2018, vol. 17, no. 3, pp. 68–82. (In English).

Lukov Val. A., Lukov Vl. A. *Tezaurusy: Sub"ektnaia organizatsiia gumanitarnogo znaniia* [Thesauri: Subjective organization of humanitarian knowledge]. Moscow: Izdatel'stvo Natsional'nogo instituta biznesa Publ., 2008. (In Russian).

Madyukova S. A. [Is ethnic culture a social institution?]. *Respublica Literaria*, 2022, vol. 3, no. 2, pp. 80–92. (In Russian).

Madyukova S. A. [The phenomenon of foreign cultural neotraditionalism]. *Sibirskii filosofskii zhurnal* [Siberian philosophical journal], 2018, vol. 16, no. 1, pp. 150–163. (In Russian).

Madyukova S. A., Popkov Yu. V. *Fenomen sotsiokul'turnogo neotraditsionalizma* [The phenomenon of sociocultural neotraditionalism]. St. Petersburg: Aletheia Publ., 2011. (In Russian).

Neotraditsionalizm: arkhaischeskii sindrom i konstruirovaniye novoi sotsial'nosti v kontekste protsessov globalizatsii [Neotraditionalism: an archaic syndrome and the construction of a new sociality in the context of globalization processes]. Eds by V. V. Bocharov, V. A. Popov. St. Petersburg: Center for Informatization of Education "KIO" Publ., 2019. 320 p. (In Russian).

Okladnikov A. P. [Ethnogenesis and cultural genesis]. *Problemy etnogeneza narodov Sibiri i Dal'nego Vostoka* [Problems of the ethnogenesis of the peoples of Siberia and the Far East]. Ed. by A. P. Derevianko. Novosibirsk, 1973, pp. 5–11. (In Russian).

Pika A. I. [Neotraditionalism in the Russian North]. *Sotsiologicheskie issledovaniia* [Sociological Studies], 1996, no. 11, pp. 47–53. (In Russian).

Popkov Yu. V. ["Soil" in ethnicity: national ethnology in the trials of "perestroika" and postmodernism]. *Novye issledovaniia Tuvy* [New studies of Tuva], 2023, no. 1, pp. 137–153. (In Russian).

Popkov Yu. V. [Modern Russian national policy: conceptual and target bases and implementation experience (on the example of Tuva)]. *Novye issledovaniia Tuvy* [New studies of Tuva], 2020, no. 3, pp. 253–268. (In Russian).

Popkov Yu. V., Kostyuk V. G., Persidskaya O. A. *Novosibirskaia nauchnaia etnosotsiologicheskaia shkola* [Novosibirsk scientific ethno-sociological school]. Novosibirsk: IFPR SO RAS Publ., 2022. (In Russian).

Popkov Yu. V., Tyugashev E. A. *Etnokul'turnyi neotraditsionalizm i identichnost' v sovremennykh sotsiokul'turnykh transformatsiakh* [Ethnocultural neotraditionalism and identity in modern sociocultural transformations]. Novosibirsk: Izdatel'stvo NGTU Publ., 2020. (In Russian).

Savitsky P. N. [Migration of culture]. *Izbrannoe* [Selected]. Moscow: ROSSPEN Publ., 2010, pp. 123–134. (In Russian).

Semenov Yu. I. [It is hardly worth hurrying with a prayer for the dead for the ethnos (On the main ideas of the book by V. A. Tishkov “Requiem for the ethnos. Studies in socio-cultural anthropology”. Moscow, 2003)]. *Filosofia i obshchestvo* [Philosophy and Society], 2006, iss. 2 (43), pp. 94–106. (In Russian).

Tishkov V. A. *Rekvem po etnosu: Issledovaniia po sotsial'no-kul'turnoi antropologii* [Requiem for the ethnos. Studies in socio-cultural anthropology]. Moscow: Nauka Publ., 2003. (In Russian).

Traditsii i innovatsii v istorii i kul'ture [Traditions and innovations in history and culture]. Ed. by A. P. Derevianko, V. A. Tishkov, Moscow, 2015. (In Russian).

Tsivilizatsionnaia missiia Sibiri: ot tekhnogenno-potrebitel'skoi k dukhovno-ekologicheskoi strategii global'nogo i regional'nogo razvitiia [Civilization mission of Siberia: from technogenic-consumer to spiritual-ecological strategy of global and regional development]. Ed. by A. V. Ivanova. Barnaul: Novyy format Publ., 2022. (In Russian).

Tyugashev E. A., Popkov Yu. V. [Sociocultural paradigm: basic interpretations]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta* [Tomsk state university bulletin], 2019, no. 445, pp. 67–71. (In Russian).

Submitted: 03.03.2023

Accepted: 17.04.2023

Article published: 01.10.2023